

Болдуин
Гроллер

Большая
Махинация

Старая добрая...

Балдуин Гроллер
Большая махинация

«Азбука»

1910

УДК 821.112.2(436)

ББК 84(4Авс)-44

Гроллер Б.

Большая махинация / Б. Гроллер — «Азбука», 1910 — (Старая добрая...)

ISBN 978-5-389-32369-8

Дагоберт Тростлер – обаятельный, умный, хладнокровный и слегка циничный сыщик-любитель, для которого раскрытие преступлений – не просто хобби, а настоящий стиль жизни. Обстоятельства раз за разом заставляют его вступать в противостояние с негодями, действия которых подрывают устои высшего общества австрийской столицы рубежа XIX-XX веков или просто задевают его гордость детектива. Главное оружие Дагоберта – логический склад ума и наблюдательность. А что расследовать, банковскую аферу или пропажу сигар из коробки в курительной комнате, неважно. Главное, чтобы это дало ему возможность применить свои знания и интеллект. Писатель и журналист Балдуин Гроллер, автор рассказов о приключениях венского сыщика, создавал этот цикл на протяжении пятнадцати лет, с 1895 по 1910 год, как историю с продолжением, публиковавшуюся в литературных журналах Австро-Венгрии, и стал одним из пионеров детективного жанра в немецкоязычной литературе. На русский язык полный сборник новелл о Дагоберте Тростлере переведен впервые.

УДК 821.112.2(436)

ББК 84(4Авс)-44

ISBN 978-5-389-32369-8

© Гроллер Б., 1910

© Азбука, 1910

Содержание

Предисловие переводчика	9
Изысканные сигары	11
Шулер в клубе	20
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Балдуин Гроллер

Большая махинация

Balduin Groller

DETEKTIV DAGOBERTS TATEN UND ABENTEUER

© Е. Г. Кормилицына, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Иностранка®

* * *

СТАРАЯ
ДОБРАЯ...
Австрия

Болдуин Гроллер

Большая
Махинация

Издательство «Иностранка»
Москва

Предисловие переводчика

Каждой уважающей себя стране пристало иметь собственного легендарного вымышленного сыщика, а то и не одного. У британцев это Шерлок Холмс и мисс Марпл, у французов – Жюль Мегрэ, у американцев – Ниро Вульф вкупе с Арчи Гудвином, у бельгийцев – Эркюль Пуаро, даром что он родился из-под пера англичанки Агаты Кристи. (Иногда, кстати, подобный герой может быть и не совсем вымышленным, как, например, Видок, или наш Иван Путилин.) Ну а у австрийцев – просим любить и жаловать – милейший господин Дагоберт Тростлер. Мужчина, как говорится, в самом расцвете сил, слегка подрастерявший с возрастом волосы на голове, но не утративший вкуса к жизни, редкостный бонвиван и дамский любимец, пусть и не отличающийся какой-то особенной красотой и похожий лицом не то на древнегреческого сатира, не то на библейского пророка.

Расследование преступлений для него – не способ заработка, а любимое хобби, которому он предается с невероятным усердием. Конечно, есть у него и иные увлечения: он неплохо разбирается в управлении финансами и даже нажил себе на этом солидный капитал, пишет музыку, и иногда его мелодии звучат со сцены венских театров, любит оперу и ценит высокую кухню. Но, как сам он утверждает, в нем погиб величайший сыщик. И тому постоянно находятся неоспоримые доказательства в виде предотвращенных преступлений, выведенных на чистую воду аферистов, разоблаченных негодяев и жуликов. Немалое состояние Дагоберта позволяет ему, не заботясь о хлебе насущном, заниматься любимым делом просто ради интереса, наслаждаясь игрой ума, возможностью противопоставить злодейским замыслам мощь собственного интеллекта и знание человеческой психологии.

Создатель этого персонажа Балдуин Гроллер, или в обычной жизни Адальберт Гольдшайдер, – австрийский писатель, журналист и один из пионеров детективного жанра в немецкоязычной литературе. Его цикл новелл о венском сыщике Дагоберте Тростлере сочетает элементы, присущие классическим произведениям детективного жанра, с тонкой авторской иронией.

Антураж, характерный для высшего общества Австро-Венгерской империи конца XIX – начала XX века, Гроллер знает не понаслышке и при его описании ничуть не фантазирует. С юных лет он был вхож в великосветские круги, собрания литераторов, закрытые клубы и масонские ложи, являлся участником правительственных комиссий и даже стал первым президентом Центральной ассоциации общих спортивных интересов – впоследствии Олимпийского комитета Австрии – тоже в ту пору весьма элитарной организации.

Гроллер публиковал истории о Дагоберте Тростлере в различных австро-венгерских журналах с 1895 по 1910 год. Читателей, с нетерпением ожидавших новой серии приключений обаятельного сыщика, было немало. Судя по всему, это и стало причиной того, что, хотя Гроллер был автором весьма плодотворным и оставил богатое литературное наследие, именно новеллы о расследованиях господина Дагоберта сделали его по-настоящему знаменитым. Впрочем, в основном среди немецкоязычной публики: на иностранные языки в течение минувшего столетия его творчество переводили нечасто. Так, на русском были опубликованы всего три его новеллы – в далеком 1913 году в издательстве Корнфельда, причем небольшим тиражом. Что, без сомнения, жаль, потому что среди прочих вымышленных детективов Дагоберт Тростлер занимает отнюдь не последнее место.

Путь герра Дагоберта в Россию был длинным, но вот он завершен, и вы наконец-то можете познакомиться с полным собранием его приключений. Здесь не будет рек крови, почти нет убийств, зато с лихвой хватит разнообразных мерзавцев, которых нужно срочно схватить за руку, чем наш герой и станет с немалым успехом заниматься. Рассказ о том, как ему удалось эффективно, но со всем возможным тактом распутать то или иное дело, он предпочитает вести

неприменно после вкусного обеда, устроившись в курительной комнате в кресле перед камином. Это в полном смысле слова уютный детектив.

Изысканные сигары

После ужина мужчины перешли в курительный салон: в доме Грумбахов это было железным правилом, которое никогда не нарушалось. Возможно, и гость, и хозяин предпочли бы остаться за столом и выкурить сигару в уютной атмосфере гостиной, смакуя послевкусию подававшихся за ужином кулинарных шедевров, но, как оба они уже давно знали, это было ни в коем случае, совершенно, абсолютно невозможно. Такой порядок ввела прекрасная хозяйка дома, соглашавшаяся терпеть табачный дым исключительно в специально для этого предназначенном помещении, – там она иногда и сама присоединялась к мужчинам, чтобы выкурить за компанию сигарету. Но во всех остальных комнатах – и это было непререкаемым правилом – действовал строжайший запрет на курение. В общем, отправиться курить в салон, вместо того чтобы остаться в столовой, было поступком само собой разумеющимся.

Госпожа Виолет Грумбах оберегала таким образом свое жилище, облик и атмосфера которого были продуманы и поддерживались с величайшими тщательностью и расчетом, равно как и – необходимо отметить – с большим вкусом. Обстановка была современной и дорогой, причем в доме все буквально сияло чистотой. А ведь говорят, что бывшие актрисы, как правило, не бывают хорошими хозяйками!

Да, госпожа Виолет в прошлом была актрисой. Не из самых известных, но, несомненно, одной из самых красивых. Даже сейчас – и это признавали решительно все – она была невероятно привлекательной женщиной: немного ниже среднего роста, слегка полноватая, пусть и в заметно большей степени, чем во времена ее артистической карьеры, с приятно округлыми формами и светлыми, всегда искусно уложенными волосами. Добавим живые сверкающие серые глаза, тонко очерченные нежные красные губы и очаровательный, слегка вздернутый носик, который придавал ее круглому личику детское выражение, и согласимся, что все вместе это создавало прелестный образ.

К обеду она любила выходить в изысканных нарядах: детей у них с господином Грумбахом не было, так что у хозяйки дома хватало и времени, и сил, чтобы с присущим ей умением заниматься как собственной внешностью, так и поддержанием в идеальном состоянии всего, что ее окружало, – всего, что делало ее жизнь приятной. Думается, теперь никого не удивит, что она не хотела подвергать свои занавески, кружева, салфетки, потолки и шелковые обои губительному воздействию табачного дыма.

Сегодня в доме присутствовал всего один гость – старый друг семьи Дагоберт Тростлер, и он был настолько своим человеком, что ради него не делали никаких особых приготовлений: госпожа Виолет приделась лишь потому, что это давно уже стало традицией, соблюдавшейся даже в том случае, если Грумбахи ужинали вдвоем. Разве что некоторые детали ее туалета намекали на то, что выбран он специально для гостя. Скажем, сердцевидный вырез белой блузки, который позволял наблюдателю задержаться глазами на полной груди Виолет, или недлинные полупрозрачные кружевные рукава, оставлявшие довольно возможностей, чтобы разглядеть округлые предплечья, нежно сужающиеся к запястьям и маленьким изящным кистям рук.

Андреас Грумбах, владелец крупной и очень прибыльной джутовой фабрики, президент Всеобщего банка строительных предприятий и, помимо того, обладатель многочисленных титулов и званий, был старше своей супруги лет примерно на двадцать. И если возраст дам не принято обсуждать с излишней точностью, то о Грумбахе можно откровенно сказать, что, хотя было ему, пожалуй, где-то за пятьдесят, выглядел он значительно более пожилым. Этого впечатления не могли изменить даже его гладко зачесанные назад темно-каштановые волосы – их цвет вполне мог быть результатом трудов опытного парикмахера. Ведь бакенбарды Грумбаха при этом уже сильно отливали серебром, а подбородок он брил гладко, стараясь не

давать этому серебряному отливу слишком уж разрастаться. Короче говоря, он явно старался выглядеть по возможности моложе своих лет.

Дагоберт Тростлер, его старый друг, в свое время – лет около шести назад – высказался весьма неодобрительно, когда Грумбах, подчиняясь порыву страсти, привел в свой дом в качестве законной супруги актрису Виолет Мурланк. Разумеется, ничего поделывать он тут не мог, да и не хотел, но долго оставался при своем мнении, пока в конце концов не признал свою неправоту. Ведь в конечном счете это оказался вполне счастливый и уважаемый брачный союз.

Сам же Дагоберт оставался холостяком, но при этом завзятым ловеласом. Правда, шевелюра его с годами поредела и теперь напоминала петушиный хохолок, однако выражение лица было энергичным, а темные внимательные глаза горели отнюдь не соответствовавшим его возрасту огнем.

Помимо женщин у него было две страсти – музыка и криминалистика, а весьма значительное состояние позволяло посвящать себя этим столь разным увлечениям без каких-либо проблем и забот. В музыке он был в равной степени и теоретиком, и практиком, хотя друзья его утверждали, что в теории он значительно сильнее. Но, будучи знаком с Виолет еще в ту пору, когда она играла в театре, именно он помогал ей разучивать песни, которые ей время от времени требовалось спеть в ходе спектакля.

Разумеется, при этом он оставался не профессиональным музыкантом, а увлеченным любителем. Да и в принципе во всех разнообразных сферах деятельности, в которые ему когда бы то ни было доводилось погружаться, он был именно любителем, страстным дилетантом, хватающим знания и навыки «по верхам». Однако периодически ему удавалось извлечь из своих музыкальных штудий выгоду – протащить в репертуар какого-нибудь театра одну или две композиции собственного сочинения.

Что же касается криминалистических наклонностей Дагоберта, то они проявлялись прежде всего в том, что он любил пространно рассуждать о крупных ограблениях и убийствах, а также различных громких мошенничествах. Он был убежден, что в нем пропал первоклассный сыщик, и уверенно утверждал, что в случае какого-либо фатального удара судьбы вполне сможет заработать себе на хлеб как частный детектив. Друзья Дагоберта часто подтрунивали над ним. Не то чтобы они сомневались в его талантах, тем более что он не раз доказывал свою компетентность в обсуждаемых вопросах, просто они находили странной его страсть самому себе создавать проблемы. Ведь это увлечение не только приносило ему определенные неудобства, но и подчас оказывалось причиной довольно опасных ситуаций. Если где-то собиралась толпа, Дагоберт обязательно оказывался там, но не из праздного любопытства, а чтобы высматривать карманников, которых криминалист-любитель старался поймать с поличным. При этом он нередко попадал в затруднительное положение, тем не менее за годы такой деятельности сумел передать в руки полиции изрядное количество воришек. Дагоберт также любил самостоятельно проводить расследования темных криминальных дел, поэтому постоянно ввязывался во всевозможные рискованные авантюры, то и дело оказываясь в суде или в полицейском участке, причем его частные инициативы порой балансировали на грани разумности. Но все это доставляло Дагоберту удовольствие, ведь он, повторим еще раз, был просто увлеченнейшим любителем.

Итак, все отправились в курительный салон. Два друга сели за столик, стоявший у окна, а госпожа Виолет устроилась на низком кожаном кресле с подлокотниками – очаровательном предмете мебели, примостившемся возле высокого и изящного мраморного камина в углу комнаты. Грумбах взял с курительного столика коробку сигар, причем не наугад, – коробок было несколько, и он выбрал одну из них, слегка помедлив, размышляя, какую взять, чтобы угостить друга. Он открыл ее и уже хотел предложить сигары Дагоберту, как вдруг задумался.

– Не знаю... – сказал он растерянно. – Кажется, в моем доме есть еще один любитель именно этого сорта. Должен отметить, что у него хороший вкус: эти сигары стоят гульден за штуку!

– Хочешь сказать, у тебя пропали сигары? – спросил Дагоберт.

– Думаю, да, – ответил Грумбах.

– У нас в доме не воруют! – вступила в разговор госпожа Виолет, поскольку такие слова задевали ее честь хозяйки.

– Слава богу, пока нет! – ответил Грумбах. – Конечно, я не могу утверждать наверняка... Но все же мне кажется, что вчера в этом ящике не хватало двух сигар, а сегодня – уже восьми или девяти штук.

– Сам виноват, – отвечал Дагоберт. – Надо держать их под замком!

– Мне казалось, в собственном доме все-таки можно оставлять что-то лежать открыто!

– Может быть, ты все-таки ошибаешься? – предположила госпожа Виолет.

– Это не исключено, но я все-таки сомневаюсь. Разумеется, это не катастрофа, однако как-то беспокоит...

– Разобраться в этом деле, пожалуй, несложно, – высказался Дагоберт, в котором, как обычно в подобных случаях, зашевелилась страсть к детективным расследованиям.

– Самое простое – последовать твоему совету, Дагоберт. Прятать все ценное под замок – лучшая защита!

– Так-то да, но это было бы недостаточно интересно, – последовал ответ. – Нужно поймать воришку!

– Предлагаешь мне устроить засаду и караулить сутками напролет? Это глупо, и время мне дороже нескольких сигар.

– Но ты же должен знать, кто имеет доступ в эту комнату?

– За своего слугу я ручаюсь. Он ничего чужого никогда не возьмет.

– А я ручаюсь за свою горничную, – поспешила добавить госпожа Виолет. – Она рядом с самого моего детства, и ни одна булавка не исчезла!

– Тем лучше! – воскликнул Дагоберт. – Как ты полагаешь, пропажи происходят каждый день?

– Боже упаси! Этого еще не хватало! Хотя на прошлой неделе мне тоже показалось, что сигар стало меньше... А может быть, и на позапрошлой неделе тоже.

На этом тема как-то иссякла, и собеседники переключились на обсуждение текущих событий, которые занимали в последние дни общественное мнение. А потом хозяева дома поднялись, чтобы пойти переодеться, потому что была среда, а по средам их ожидала ложа оперного театра, и Дагоберт, как обычно, составлял им компанию. Такого старого знакомого и доверенного друга дома можно было оставить одного на четверть часа без особых извинений. Уходя, Виолет в шутку заметила, что в одиночестве он сможет спокойно поразмышлять над ужасной загадкой исчезновения сигар и, как талантливый детектив, наверняка сумеет все разгадать.

Дагоберту не требовалось этого шутливое напоминание. Он уже тайно решил для себя, что обязательно найдет виновника, и теперь хотел внимательно осмотреть место преступления. Дело было, конечно, незначительным и мелким, но на что только не пойдет настоящий любитель криминалистики, чтобы поддерживать себя в форме? Иногда приходится браться и за такое.

Оставшись в одиночестве, он откинулся в кресле и начал размышлять. Значит, последняя кража произошла накануне. Дагоберт осмотрел сигарную коробку, потом курительный столик и не обнаружил ничего подозрительного. Просто отвратительно, какая чистота царит в этом доме, как тщательно здесь каждый день убирают и моют! Как тут можно найти, например, отпечаток пальца на деревянной окантовке покрытого красным сукном курительного столика?!

Она, похоже, и вчера-то не была пыльной, а с тех пор ее снова тщательно протерли. Как тут прикажете заниматься дактилоскопией?! Нет, так дело не пойдет...

В комнате горели четыре электрические лампы. Дагоберт, щелкнув выключателем, зажег еще восемь, и комната оказалась залита ярким светом. Продолжая осмотр, он обошел все помещение, внимательно изучая каждую деталь, но ничего подозрительного не нашел. Пришлось вернуться за курительный столик, – было ясно, что именно он должен стать центром расследования. Но как Дагоберт ни всматривался, никаких следов или улики обнаружить не удавалось. Он уже собирался прекратить поиски, как вдруг кое-что заметил: в узкой щели между тканью и деревянной окантовкой столика, слегка выступая наружу, лежит волос – темный, блестящий, не особо длинный, – если его вытянуть, то, может быть, сантиметров пяти в длину. Дагоберт провел рукой по щели между деревом и тканью, где лежал волос. Тот согнулся, но не сдвинулся с места. Понятно, почему он остался тут, не поддавшись ни щетке, ни тряпке. Впрочем, учитывая, как здесь до омерзения регулярно убирают, можно было быть уверенным, что оставаться ему в этом тайнике недолго – следующая атака щеткой наверняка сметет его. Иными словами, вполне возможно и даже весьма вероятно, что волос попал туда только вчера.

Дагоберт на мгновение задумался, не вызвать ли слугу, чтобы узнать, не заходил ли сюда сегодня или вчера кто-то посторонний, но сразу же отверг эту мысль. Конечно же, он должен выяснить это, но только не вызывая беспокойства среди прислуги. Могут начаться лишние разговоры и толки, а ему следует проявлять определенную деликатность по отношению к дому своего лучшего друга.

Сыщик кончиками пальцев аккуратно извлек волос, который тут же скрутился в колечко, и бережно спрятал его между страниц своей записной книжки, а потом продолжил поиски, еще раз внимательно осмотрев всю комнату, хотя и не рассчитывая найти что-то еще. Освещение было настолько ярким, что едва ли что-то могло ускользнуть от его внимания. И тут он заметил наверху, на гладкой поверхности черной мраморной каминной полки, темный комочек, нарушающий неровную линию. Стоит ли обратить на это внимание? Безусловно! Для детектива важно все, вплоть до самых незначительных мелочей.

Дагоберт пододвинул кожаный стул и встал на него. Вот оно что! Окурочек сигары, примерно четыре сантиметра длиной. Полированная поверхность, на которой он лежал, была покрыта тонким слоем пыли. Слуга, похоже, решил не затруднять себя лишней работой и последний раз вытирал каминную полку день или два назад. Узнай про это хозяйка дома – точно бы рассердилась! Однако что интересно: на пыльной поверхности рядом с окурочком не осталось следов руки или пальца. Значит, когда его положили сюда, здесь было еще чисто. Да и окурочек совсем свежий. Вероятнее всего, он оказался здесь не ранее вчерашнего дня. А еще надо отметить, что это окурочек от сигары того же сорта, что пропали из коробки Грумбаха.

Дагоберт спустился со стула, аккуратно убрал находку в карман, выключил лишние лампы и, когда пришло время, отправился с друзьями в оперу.

Андреас Грумбах забыл обо всей этой сигарной истории уже на следующий день. У занятого фабриканта и крупного торговца было немало других дел, и больше к проблеме пропавших сигар он не возвращался, благо и повода для этого также более не возникало. Однако для господина Тростлера дело еще не было закрыто.

Прошла почти неделя, прежде чем Дагоберт вновь появился в доме Грумбахов. Виолет на этот раз была одна и предложила гостю выпить кофе, заметив, что с удовольствием бы дополнила его сигаретой. Они удобно расположились в курительном салоне с чашечками ароматного напитка.

– Это ничего, что я пришел без приглашения, сударыня? – начал разговор друг семьи.

– Вы всегда желанный гость, господин Дагоберт, – любезно ответила хозяйка дома, усаживаясь в любимое кресло у камина.

Сегодня она казалась чем-то немного смущенной.

– Просто я был почти уверен в том, – продолжил гость с улыбкой, – что не застану вашего супруга дома.

– Конечно, ведь вечер вторника Андреас обычно проводит в клубе. Тем приятнее для меня провести время в хорошей компании.

– Но ведь могло случиться, что вы уже пригласили кого-то на вечер, и я, возможно, оказался бы лишним...

– Вы никогда не лишний, господин Дагоберт, – заверила его Виолет и, чтобы сменить тему, начала подшучивать над его страстью к детективным расследованиям.

– Ну что? Вы все еще не вывели на чистую воду этого наглого похитителя сигар? – спросила она с веселой усмешкой.

– Не смейтесь слишком рано, сударыня! А вдруг он уже у меня в руках?

– Вы и вправду заинтересовались этим делом? Ну не знаю... Стоят ли такие мелочи вашего внимания? Хорошо, и куда же, по-вашему, могли деться эти несколько сигар? Первое, что приходит на ум, – заподозрить слугу. Я, конечно, уверена в его невиновности, но раз уж подозрение возникло, – а мой муж очень строг! – бедняга может легко потерять свое место.

– Мы сейчас же в этом убедимся, – ответил Дагоберт и нажал на кнопку электрического звонка.

Госпожа Виолет испугалась такой поспешности и сделала движение, чтобы остановить его, но было уже поздно. В следующую секунду слуга уже стоял в дверях, ожидая приказаний.

– Послушайте, дорогой Франц, – начал Дагоберт, – будьте так добры, закажите мне фиакр, примерно через час.

– Слушаюсь, сударь!

– И вот вам награда за труды – хорошая сигара! – С этими словами Дагоберт потянулся к сигарной коробке.

– Прошу прощения, сударь, я не курю.

– Ах, вздор, Франц! – сказал Дагоберт, запуская в коробку руку. – Доставайте-ка свой портсигар, и мы его сейчас щедро наполним!

Франц от всей души рассмеялся, оценив добродушную шутку, и еще раз заверил, что он не курит.

– Что ж, пусть будет так, – пожал плечами Дагоберт, улыбаясь. – Но, чур, мы с вами еще сведем счеты другим способом, чтобы вы не остались внакладе!

Слуга поклонился и бесшумно вышел из комнаты.

– Видите, сударыня, – снова заговорил Дагоберт, повернувшись к госпоже Грумбах. – Это не он.

Виолет рассмеялась.

– Если это и есть все ваше искусство сыщика, Дагоберт, то оно недорого стоит! Я же говорила, что слуга точно не виноват, – но даже если бы я ошибалась, вы действительно думаете, что он попался бы в такую грубую ловушку?

– Кто сказал вам, госпожа Виолет, что это все мое искусство? Я лишь хотел показать, что он не может быть виновным.

– И вы готовы вот так сразу поверить любым словам человека?! Вы наивны, Дагоберт.

– Нет-нет, послушайте, самому мне было вовсе ни к чему вызывать слугу, я лишь хотел продемонстрировать вам его непричастность к произошедшему. Хотя, полагаю, это было излишне, ведь вы и сами убеждены в его невиновности. Значит, в этом наши мысли схожи.

– Дагоберт, вы явно знаете больше, чем говорите!

– Я расскажу все, если вам интересно, сударыня.

– Мне очень интересно.

– Но не лучше ли мне не распространяться на эту тему?

– Да почему же это должно быть лучше, Дагоберт?

– Я лишь подумал... Я ведь знаю все...

– Тем лучше! Расскажите, что вы выяснили.

– Возможно, я ошибусь в деталях, тогда вы сможете меня поправить...

– Я?! – Виолет широко раскрыла глаза.

– Вы, сударыня. Вполне возможно, я сейчас сильно опозорюсь... У меня нет абсолютной уверенности, я лишь хочу сказать, что такое в принципе возможно... И вы должны учитывать, что я полагался исключительно на свои догадки и пренебрег возможностью допросить вашу прислугу.

– Не надо таких длинных вступлений, Дагоберт. К делу, если можно!

– Хорошо, я раскрою свои карты. Вы помните, сударыня, что в прошлую среду я впервые услышал о пропаже сигар? Через пять минут у меня уже было точное описание внешности похитителя.

– Как вам это удалось?

– Вернее сказать, точное описание внешности курильщика. Думаю, мы остановимся на этом определении и избежим таких одиозных слов, как «вор» или даже «похититель сигар». Ведь сигары, в конце концов, были не украдены, а просто выкурены без ведома хозяина дома. Итак. Это высокий молодой человек, на голову выше меня, с ухоженной черной бородой и великолепными зубами.

– Откуда вы это знаете?

– Все по порядку, сударыня. Кстати, надеюсь, что сегодня смогу блестяще подтвердить правильность своего описания, так как рассчитываю, что этот прекрасный молодой человек вскоре окажет вам честь своим посещением. Я уже подготовил коробку с его любимым сортом сигар.

В этот момент дверь открылась, и вошел слуга с сообщением, что экипаж для господина Тростлера заказан и подъедет точно в назначенное время. Затем он обратился к хозяйке с вопросом, может ли он на сегодня закончить работу и покинуть дом. Разрешение было дано, и слуга удалился с почтительным поклоном.

– Франц, видите ли, большой театрал, – пояснила госпожа Виолет. – Раз в неделю он обязательно ходит в театр, и я обычно отпускаю его по вторникам, когда мой муж все равно не дома и мне проще всего предоставить слугам свободный вечер.

– А-а-а! – задумчиво ответил Дагоберт. – Ну, это вполне в порядке вещей.

– Только не позволяйте этому отвлекать вас, дорогой Дагоберт, от своего рассказа, – продолжила госпожа Виолет. – Вы обязаны мне объяснить, как вам удалось составить описание... э... курильщика.

– В среду, когда вы и ваш супруг удалились, чтобы подготовиться к выходу в театр, у меня нашлось несколько минут, которые я решил уделить этому делу. Оно могло бы оказаться сложным, если бы я не нашел здесь никаких следов.

– А вы нашли?

– Да. В щели курительного столика – волос, а здесь, на камине, – окурочек сигары.

– Но они могли лежать здесь уже давно!

– У меня были веские основания полагать, что это действительно свежие улики, которые попали сюда только накануне. Затем я дома тщательно изучил оба предмета, волос даже под микроскопом.

– И каков был результат?

– Результат удовлетворил меня полностью. Волос указывал на человека с красивой черной бородой. Натуральный черный цвет, никаких следов искусственного красителя, – значит, наш курильщик совсем не старик. Я даже могу сказать, что это очень молодой человек. Волос был мягким и гибким. Не юношеский пушок, конечно, но все еще довольно нежный. Он был

бы грубее и жестче, если бы его годами сбрасывали бритвой. Молодой человек, кстати, очень заботится о своей бороде, так как под микроскопом на волосе обнаружился следы бриллиантина. Это совершенно безвредное косметическое средство, но нужно быть немного тщеславным, чтобы его использовать. Поскольку вы знаете человека, о котором я говорю, сударыня, вы сможете судить, верно ли мое предположение.

– Думаю, вы просто заикнулись на этой идее...

– Возможно. Но это неважно. Пойдем дальше. Здесь, на каминной полке, лежал окурочек сигары.

– И какие выводы вы из этого сделали?

– Я был рад для начала убедиться, что сигара эта того же сорта, что и те, о которых сокрушался ваш супруг. Дальнейшие выводы напрашивались сами собой. Хотя нет. Позвольте мне еще раз вернуться к вашему слуге: я объясню, с чего я начал и чем, собственно, занимался. Я вызвал его сюда не без причины, а затем, чтобы вы еще раз взглянули на него. Итак. Этот человек блондин, и его лицо, как и положено приличному слуге, который в том числе прислуживает и за столом, гладко выбрито. Кроме того, как вы могли убедиться, когда он так дружелюбно мне улыбался, у него довольно плохие зубы. Наконец, вы могли оценить, что телосложение его довольно субтильное – он даже немного ниже меня ростом, а мы с вами уже установили, что неизвестный курильщик не только носит черную бороду и имеет очень хорошие зубы, но еще и выше меня на голову.

– Мы этого еще не установили!

– Тогда давайте сделаем это сейчас. Кончик сигары был не срезан ножом, а аккуратно откушен. Для этого нужны хорошие зубы. С этим мы разобрались. Теперь нужно доказать его высокий рост. Ничего нет проще. Давайте вспомним, как вы сидели тут в минувшую среду, милостивая госпожа, – хотя, впрочем, вспоминать и не нужно, потому что и сегодня расположились практически так же. Вы – на своем любимом месте, я – на почтительном расстоянии, но все же достаточно близко, чтобы поддерживать разговор, стою напротив, прислонившись к камину, и люблюсь вами. Вид, которым я наслаждаюсь, можно сказать, с высоты птичьего полета, восхитителен. Не сердитесь, госпожа Виолет, он действительно прекрасен. И я бы не покинул столь удачный наблюдательный пост без особой причины. Но если бы мне нужно было положить сигару, я бы отправился к курительному столику, где стоят пепельницы. Ведь я не смог бы дотянуться до каминной полки, она для меня слишком высока! А между тем окурочек сигары я обнаружил именно там. Вот так я понял, что наш курильщик был изрядного роста. Верно, сударыня?

– Верно, – со смехом признала госпожа Виолет. – Пожалуй, должна сделать вам комплимент, господин Дагоберт. Вы ужасный человек, и мне кажется, что для меня самой будет лучше сразу признаться, как было дело, иначе вы в конце концов подумаете бог знает что!

– Никаких признаний! Я их отвергаю. Признания могут... Я, конечно, говорю чисто академически... Могут быть ложными. Из-за ложных признаний уже не раз совершались судебные ошибки, а меня ничто не может возмутить более, чем мысль о том, что такую ошибку могу совершить я сам. Кроме того, мне не нужно признание – оно мне больше ничего не даст. Я здесь всего лишь играю роль следователя и не выношу приговоров. Моя задача была выяснить обстоятельства дела и доказать, кто виновен в пропаже сигар. Состоится ли на заключительном заседании признание или нет, меня это не касается.

– Хорошо, тогда продолжим!

– Мне пришлось строить догадки дальше. Высокий молодой человек с красивой бородой и хорошими зубами курил сигару здесь, в вашем присутствии. Он составлял вам компанию, болтал с вами, как это делаю сейчас и я. Никакого греха в этом нет и не может быть.

– Слава богу, что вы хотя бы не подозреваете меня в чем-то предосудительном, Дагоберт!

– Мы знаем друг друга достаточно долго, и я уверен, что вы – не только очень красивая, но и весьма умная женщина. Вы, в свою очередь, знаете, насколько к вам благосклонна судьба, и понимаете, что именно в этой жизни вам стоит беречь пуще зеницы ока, не совершая обычных женских глупостей.

– Благодарю за доверие!

– Мое доверие к вам столь же непоколебимо, как мое уважение и восхищение. Но это не все. У меня всегда открыты глаза и уши, так что, будь в ваших отношениях с моим другом Грумбахом что-то не так, я бы это непременно заметил сам, или какие-то слухи дошли бы до меня и были бы мною проверены. Однако это не так. Соответственно, я делаю вывод, что вы принимали здесь гостя, который не мог привлечь внимания общества. Почему он не привлекал внимания? Потому что вы принимали его часто. Это должен был быть совершенно безобидный визит. И только один момент мог бы вызвать подозрения. Из оброненных вашим мужем слов я смог понять, что сигары обычно исчезали во вторник вечером, то есть в то время, когда он был в клубе. Да вот еще, чего я не знал, но что вы сообщили мне, – что во вторник ваш слуга обычно ходит в театр.

– Надеюсь, вы не сделаете из этого обстоятельства ложных выводов?!

– Я об этом даже не думаю! Факт в том, что молодой человек довольно часто приходит в дом, но именно во вторник он задерживается здесь подольше и развлекает хозяйку.

– Это верно, но могу заверить, что наше общение совершенно безобидно.

– В этом я никогда не сомневался, тем более что молодой человек... Как бы это сказать? Ниже вас по положению.

– Ну а это как вы выяснили, Дагоберт?

– Этот вывод напрашивается сам собой, сударыня. Мой друг Грумбах недосчитался не одной или двух сигар, а сразу шести или семи. Однако шесть или семь крепких сигар не выкуришь за час болтовни с хозяйкой – выкуривают одну, максимум две. Значит, происходило следующее: хозяйка поощряла молодого человека взять несколько сигар на прощание.

– Это тоже верно. Но из этого еще не следует, что я, как вы изволили выразиться, общаюсь с кем-то ниже себя.

– Прошу прощения, сударыня. Гостю, равному по положению, хозяйка, возможно, предложит взять с собой сигару – одну! Конечно, не делая на этом особого акцента. Дать или взять пригоршню – это уже указывает на определенную социальную дистанцию.

– Вы настоящий сыщик, Дагоберт!

– На дистанцию, и при этом все же на определенную симпатию.

– Это действительно очень милый, любезный молодой человек. Вы еще что-нибудь выяснили?

– О, еще целую кучу всего! Я задал себе вопрос: кем может быть этот молодой человек, который так часто, возможно ежедневно, заходит в ваш дом, не привлекая внимания? Ответ несложен. Это мог быть только служащий из конторы вашего мужа, вероятно, тот, кто каждый вечер приносит шефу ключи от кассы или дневной отчет.

– Он действительно приносит ежедневный отчет нам домой после закрытия конторы. Мой муж так распорядился.

– И поступил очень правильно. Это, кстати, я теперь тоже знаю, ведь я между делом побывал у вашего управляющего.

– Ну и дела вы творите, когда идете по следу!

– Либо не начинаешь, сударыня, либо идешь до конца, иначе все вообще не имеет смысла.

– И что же вы делали у управляющего?

– Ничего особенного и ничего сверх того, что было нужно.

– Расскажите, Дагоберт!

– Я сказал ему, что пришел протезировать одного молодого человека, только пусть он не выдает меня шефу. Управляющий улыбнулся: он прекрасно знал, что если я что-то захочу от Грумбаха, то это уже заранее можно считать им одобренным. Но я дал понять, что мне было бы приятнее не просить своего друга об этом напрямую. Управляющий понял или сделал вид, что понял, и согласился оказать помощь.

«О ком идет речь?» – спросил он.

«У вас в конторе есть молодой человек, – ответил я, – ну как же его зовут? У меня ужасная память на имена! Впрочем, это неважно, я вспомню. Итак, это очень высокий молодой человек с приятными манерами (иначе он бы вам не понравился, милостивая госпожа), с красивой черной бородой и хорошими зубами. Вечером он обычно приносит шефу...»

«А, это наш секретарь Зоммер!» – прервал меня управляющий.

«Зоммер, конечно, Зоммер! Как я мог забыть это имя! Видите, дорогой друг, Зоммер – очень способный человек, но в канцелярии он явно не на своем месте. Ему не хватает точности и аккуратности в работе. Зато он мог бы добиться большого успеха в той сфере деятельности, где требуется общение с клиентами. Я знаю, что вы уже давно ищете подходящую кандидатуру для руководства филиалом в Граце. Не подошел бы для этого Зоммер?»

Управляющий хлопнул себя по лбу.

«Черт возьми, это идея! Мы тут глаза себе проглядели в поисках кандидата, а нужный человек все это время был рядом! Конечно, Зоммер просто создан для этого! Вы сейчас не протезируете ему, а оказываете нам услугу своим советом. Решено, он едет в Грац!»

– Вот так, сударыня, мне посчастливилось сыграть роль Провидения.

– Но, Дагоберт, как вы могли рискнуть утверждать, что молодой человек не годится для канцелярии?

– Тут не было никакого риска. Я полагался на свое знание психологии. Настоящий канцелярский работник всегда более или менее – до определенной степени – педант. Он становится таким из-за своей работы, которая постоянно требует скрупулезной точности. Наш друг – не педант ни в коей мере. Настоящий канцелярский работник не откусывает кончики сигар зубами, а аккуратно срезает их перочинным ножом или специальным приспособлением, которое он, конечно, носит с собой, если курит сигары. И еще кое-что настоящий канцелярский работник не делает. Он не кладет окурки на мраморные камины. Он, напротив, аккуратно старается донести их до пепельницы, всегда следя, чтобы пепел не рассыпался. Наш беспечный молодой друг, который не слишком заботится об окурке, вероятно, не слишком прилежен и в канцелярской работе. Это не в его характере!

– И из этого вы сразу заключили, что он подходит для общения с клиентами?

– Не только из этого, но и из того предпочтения, которое вы ему оказывали, сударыня. Он, должно быть, прекрасный собеседник, и, вероятно, у него хорошее чувство юмора. Все это ценные качества, когда нужно общаться с клиентами лично.

– Дагоберт, вы должны мне объяснить еще одно. Вы постарались устроить так, чтобы молодой человек уехал, потому что беспокоились о моей добродетели?

– Ну что вы, госпожа Виолет! Вы же знаете, какое доверие я к вам испытываю! Но поскольку я знал, что пропавшие сигары прошли через ваши руки и вы скрыли это от супруга, молодой человек должен был исчезнуть.

– Скрыла... Вот в чем моя оплошность. Я не сообщила мужу сразу, не подумала об этом. А когда он раздул из этого целую историю, рассказать было бы уже как-то... неловко.

– Именно так я это и понял, сударыня... Кстати, кажется, мой экипаж уже подъехал. Если господин Зоммер сегодня еще придет попрощаться с вами, предложите ему сигару другого сорта, и тогда это дело будет окончательно улажено.

Шулер в клубе

Можно сказать, что Андреас Грумбах всегда вел несколько замкнутый образ жизни. Его брак с актрисой, госпожой Мурланк, вопреки изначальным опасениям друзей, отговаривавших его от этого союза, оказался на удивление безоблачным и счастливым. Белокурая Виолет вела хозяйство умело и безупречно аккуратно, так что Грумбах чувствовал себя дома настолько уютно, что даже не помышлял о каких-либо светских развлечениях, хотя, возможно, Виолет не имела бы ничего против них. Но она была слишком умна, чтобы настаивать на переменах, когда все и так складывается к общему удовлетворению.

Днем у Грумбаха хватало работы, а вот вечера он предпочитал проводить дома, в обстановке, обустроенной Виолет крайне тщательно, со свойственным ей вкусом и с учетом всех пожеланий мужа. Лишь раз в неделю, считая это своим долгом, Андреас посещал клуб, еще один вечер его видели в оперной ложе, что тоже рассматривалось им как выполнение долга, только теперь уже перед Виолет, а в остальное же время супруги предпочитали оставаться дома, считая это наилучшим времяпровождением.

Гости у них бывали редко. Но это только если не говорить о Дагоберте Тростлере – завязанном бонвиване, который, имея постоянный доход в виде ренты, наслаждался размеренной жизнью, предаваясь исключительно приятным для него увлечениям. Этот господин мог посещать особняк Грумбахов без всяких церемоний – супруги всегда с радостью встречали его. Живой нрав Дагоберта часто становился поводом для подтрунивания, к чему тот относился с философским спокойствием.

Для Грумбахов он со временем стал практически членом семьи, проявив себя как верный и заботливый друг, на которого можно положиться в любых обстоятельствах. Кроме того, он был для них связью с внешним миром, принося в дом свежие новости и заботясь, чтобы супруги оставались в курсе событий в мире искусства. Помимо этого, он знал бесконечное число авантюрных и детективных историй, которые позволяли друзьям отлично проводить время за их обсуждением.

Однако однажды эта идиллия была внезапно нарушена, и Грумбахи оказались втянутыми в водоворот светской жизни столицы империи вопреки желанию главы семейства и при молчаливом одобрении Виолет, которая посчитала, что теперь она наконец-то начнет играть роль, подобающую ей по праву. Произошло это вот как.

Барон Фридрих фон Айхштедт, глава знаменитой фирмы «Айхштедт и Рауш», являлся основателем Клуба промышленников, а также его ежегодно переизбираемым президентом на протяжении десяти лет. Эту круглую дату в клубе и решили отметить с соответствующей такому поводу пышностью. В частности, устроен был незабываемый банкет для всех членов клуба – разумеется, с дамами. Надо ли говорить, что наряд Виолет, выбранный ею для этого вечера, вызвал всеобщее восхищение? Главным подарком для бессменного президента клуба стал его портрет кисти Леопольда Горовица¹, написанный специально для зала заседаний. Сюрприза не испортило даже то, что сам фон Айхштедт перед этим был вынужден длительное время позировать художнику. Во время застолья произносились пышные речи, и все шло просто прекрасно. Лишь один факт омрачил всеобщее ликование: в ответной речи президент заявил, что больше не желает оставаться на своем посту. Он, по его словам, достаточно потрудился и теперь категорически отказывался продолжать свою деятельность. Десять лет он работал на общее благо, пускай же теперь кто-то другой займет его место.

---

¹ Леопольд Горовиц (1838–1917) – один из наиболее востребованных портретистов австро-венгерской аристократии и европейской элиты конца XIX века. – *Здесь и далее, если не указано иное, – примеч. перев.*

Никакие уговоры не помогли, и на следующем собрании члены клуба единогласно избрали нового президента – им оказался Андреас Грумбах. Для него это стало полной неожиданностью, с одной стороны, приятной, а с другой – угрожающей нарушить привычный уклад его жизни. Но отказаться было совершенно невозможно. То, что выбор пал на него, являлось честью, равносильной получению почетнейшей награды. Самый статусный клуб города, клуб миллионеров, как его называли в народе! Человек, избранный руководить им, фактически становился во главе всей промышленной элиты. Чтобы удостоиться такой чести, следовало, образно говоря, быть выходцем «из непростой семьи»: обладать безупречной личной и деловой репутацией, пользоваться неограниченным доверием и являться обладателем весьма солидного состояния. Для коммерсанта такое назначение было равнозначно обладанию высоким дворянским титулом. Сомнения Андреаса быстро развеялись: мало того что дома его взялась увещевать Виолет, да еще к уговорам присоединился и подученный ею Дагоберт, постаравшийся донести до друга всю значимость его нового поста. Нет-нет, от подобного предложения не отказываются!

Однако почетная должность налагала еще и определенные обязанности, связанные с материальной ответственностью. Дело в том, что в Вене все клубы от веку находились в тяжелом финансовом положении. Если, к примеру, Лондон пребывал оплотом клубных традиций и заведениям этого типа не составлял конкуренцию решительно никто, то процветающие в Вене кофейни, с их комфортом и удобствами, предлагали такой уровень уюта и сервиса, что соревноваться с ними было практически невозможно. Как следствие, венские клубы, стремясь сохранить большую привлекательность для своих членов, оказались вынуждены тратить значительные средства и в результате едва сводили концы с концами, работая практически себе в убыток. Несмотря на это, владельцы крупных промышленных предприятий возжелали иметь свой собственный клуб, причем такой, чтобы его посетителям даже в голову не могли прийти сомнения в его основательности и стабильности. Но поскольку даже промышленники всего лишь люди, а не волшебники, то в вопросах репутации заведения они решили положиться на президента – что он сумеет позаботиться о том, чтобы истинное финансовое положение клуба оставалось тайной.

Надо признать, что членские взносы были весьма внушительными: двести гульденов в год. Плюс к этому клуб получал доходы от карточных игр, которые составляли еще около двадцати тысяч гульденов ежегодно. Но и расходов также хватало: десять тысяч уходило на аренду, десять – на оплату работы персонала, десять – на отопление, освещение, свежие газеты и прочие нужды, десять – на кухню и винный погреб (ведь все должно быть первоклассным, но при этом не чрезмерно дорогим, чтобы привлекать и удерживать членов клуба). Имелся и еще целый ряд иных расходов. Казалось бы, все тратилось на мелочи, но набегало прилично.

Теперь все эти заботы легли на плечи Андреаса Грумбаха. К тому же новый статус требовал от него представительских функций, которыми он до этого успешно манкировал. Раньше Грумбах дистанцировался от всего, что могло нарушить его покой, а теперь могучий поток почетных обязанностей подхватил его и увлек за собой. Организовывал ли министр иностранных дел императорского двора светский раут, устраивал ли премьер-министр вечерний прием, устанавливали ли памятник или хоронили генерала, открывали ли новую школу или организовывали выставку – президент Клуба промышленников обязательно бывал приглашен на все эти мероприятия. А факт его присутствия потом торжественно заносился в протокол заседания правления. А еще и частные визиты, которые тоже нельзя игнорировать! Короче, жизнь Грумбаха стала донельзя насыщенной, чему госпожа Виолет была несказанно рада.

Главным виновником того, что обстоятельства сложились настоящим образом, был, по сути, барон Айхштедт. Во-первых, потому что сложил с себя руководящие полномочия, а во-вторых, потому что очень симпатизировал Виолет (исключительно в рамках приличий). Она стала для него воплощением той самой прекрасной дамы, о которой он давно мечтал и кото-

рую долго искал. Его собственная жена умерла двенадцать лет назад, и с тех пор светская жизнь в его доме замерла. Барон полностью посвятил себя клубу, заменившему ему семью. Но теперь в нем проснулось что-то похожее на совесть: он понял, что подобное положение вещей не может продолжаться дальше. Ведь после смерти жены у него остался единственный ребенок – маленькая дочь Гретль. Теперь она превратилась в восемнадцатилетнюю красавицу, и следовало подумать о ее будущем. Пришло время принимать гостей и совершать ответные визиты, чтобы представить юную барышню обществу. Для этого требовалась добронравная спутница, достаточно любезная, чтобы в торжественных случаях принимать гостей вместе с ним, а вне дома сопровождать его дочь с должным изяществом и достоинством. Лучшей кандидатуры, чем Виолет, он не нашел бы во всей округе. В ее лице он нашел светскую даму, умеющую подобрать подходящие случаю туалеты, держащую себя безукоризненно, при этом никогда не кажущуюся чопорной или скучной – всегда в хорошем настроении и оживленную. Гретль могла у нее кое-чему поучиться. То, что в прошлом Виолет была актрисой, несколько не умаляло ее достоинств. Если поначалу кое у кого и были сомнения, то общественное положение ее супруга быстро эти сомнения рассеяло.

Дагоберт Тростлер тоже окунулся в светскую жизнь. Грумбах ни за что не отпустил бы его, да и Виолет настолько привыкла к другу семьи, что неминуемо заскучала бы. Поэтому, когда Грумбах стал президентом, Дагоберт не только вступил в клуб, но и позволил по настоянию его президента кооптировать себя в правление. О его дружбе с Грумбахом было известно всем, и с этим считались. Все понимали, что угождают самому президенту, приглашая повсюду его друга.

Как после каждого крупного военного маневра следует разбор ошибок, так и после каждого светского мероприятия, как бы поздно оно ни закончилось, в доме Грумбахов начиналось критическое осмысление прошедшего события. Дагоберта всегда обязательно ожидали «на черный кофе и сигару». Так уж было заведено Виолет. Ведь нельзя же вот так сразу взять и лечь спать. Сначала надо немного поболтать, посплетничать, обсудить разных людей – все это чудесно успокаивает нервы. Вот и в этот поздний час трое друзей собрались вместе, чтобы поделиться впечатлениями о только что закончившемся приеме у Айхштедтов.

– Все же было очень мило, – заметила Виолет, которая, конечно, была стороной заинтересованной.

– Безупречно, – подтвердил Дагоберт, потягивая кофе. – Вы, госпожа Виолет, были просто восхитительны в роли хозяйки.

– Боже мой, это так трудно, когда столько гостей!

– Да, пожалуй, в этот раз народу было многовато.

– Вам, Дагоберт, нечего на это жаловаться. Вы же вечно занимаетесь своими наблюдениями. Чем больше людей, тем лучше для вас.

– Это не так, госпожа Виолет. Наблюдать удобнее, когда толпа приглашенных не так велика.

– Значит, сегодня вы остались без добычи?

– О нет, кое-что есть! Интересно, любит ли она его тоже?

– У вас, Дагоберт, странная манера поражать людей неожиданными заявлениями. Кто кого должен любить? И откуда мне знать ответ на ваш вопрос?

– Не такими уж и неожиданными, милостивая государыня. Мне нравится просто иногда принимать очевидное как данность, не останавливаясь на увиденном подробнее. Я действительно думаю, что если кто и может дать ответ на мой вопрос, так это вы.

– Пожалуйста, уточните, что вы имеете в виду!

– В передней, когда мы уже собирались уходить, я имел счастье наблюдать прелестную маленькую сценку. Тут и актриса могла бы поучиться.

– Вы меня заинтриговали, Дагоберт.

– Слуги помогли гостям надеть верхнюю одежду. Меня заинтересовал один молодой человек, несомненно, самый красивый среди присутствовавших, – у него такой меланхолично-мечтательный взгляд...

– А, понятно, барон Андре, тот юный атташе.

– При каком посольстве?

– Пока ни при каком. Он дипломат по профессии и ждет, когда его правительство направит в Петербург или Мадрид.

– Хорошо. Так вот, я заметил, что этот молодой человек довольно ловко маневрировал, так что ни один из шести лакеев не смог помочь ему надеть пальто – это сделала единственная присутствовавшая горничная.

– Она вообще-то была там, чтобы помогать дамам...

– Я его вполне понимаю. Вкус у него неплохой; я бы тоже предпочел именно ее помощь. Мне захотелось продолжить наблюдения. И вот вам очень милая сценка. Он сует ей что-то в руку – похоже, чаевые. Видели бы вы лицо этой кошечки! Это было восхитительно! Сначала удивление, затем ледяная холодность, даже возмущение. После она бросает быстрый взгляд на то, что он ей дал, и мгновенно все лицо ее освещается самой ласковой улыбкой. Ее рука еще раз проворно поправляет его пальто, затем следуют еще одна улыбка и почтительный поклон. Мне эта девочка определенно понравилась!

– Что же с того, что она вам понравилась, Дагоберт! И к чему вы мне рассказываете об этих ваших занятных наблюдениях в передней?

Виолет произнесла это не слишком любезным тоном. Дагоберт должен был бы знать, что у красивой женщины (да, пожалуй, у любой) редко вызывает восторг, когда мужчина восхищается другой представительницей ее пола. А уж если эта другая – горничная! Нет, разумеется, некоторые серьезные исследователи давно сошлись во мнении, что при определенных обстоятельствах и горничные могут обладать некоторыми эстетическими достоинствами, но на некоторые темы с женщинами лучше не разговаривать.

– Я хочу сказать, – продолжал Дагоберт, – что такая выразительная мимика сорвала бы овацию, обладай ею какая-нибудь актриса. Пока мы ехали к вам, милостивая государыня, я обдумывал ситуацию. Сначала горничная почувствовала в руке мелкую монету – отсюда справедливое возмущение. Брошенный вскользь взгляд убедил ее, что это не мелочь, а полноценный золотой. После чего...

– Позвольте, дорогой Дагоберт, – нетерпеливо перебила его Виолет, – ваши игры ума, связанные с чаевыми, возможно, и интересны, но это не то, что я хотела бы слушать.

– Я к перехожу к делу, милостивая государыня, дайте же мне высказаться. Дело в том, что золотые монеты в качестве чаевых у нас не в ходу. В старых операх и в драматических постановках слугам еще было принято швырять мешочки с цехинами², но нынче это уже вышло из моды. Теперь только французские драматурги все еще отличаются такой выдуманной щедростью – их герои тратят безумные суммы. Для нашей буржуазной традиции это нехарактерно. Мы обычно даем на чай серебряный гульден, и я считаю...

– Но, Дагоберт!!!

– Только не сердитесь, милостивая государыня!

– Как же не сердиться! Вы собирались говорить о любовном романе, который якобы имеет ко мне отношение, а вместо этого читаете лекцию о чаевых!

– Я уже сообщил вам, что обдумал ситуацию, пока ехал в карете. История с чаевыми навела меня на верный след. Молодой человек неглуп...

– Это никто и не оспаривает!

---

² Цехин в Австро-Венгрии конца XIX века представлял собой золотую монету, сохранившую историческое название, но уже вышедшую из регулярного обращения.

– ...И действует очень методично. Баронесса Гретль – самая очаровательная и любезная молодая особа из всех, кого я знаю... Вам известно, кто, собственно, представил молодого человека, о котором мы говорим, обществу?

– Двоюродные братья баронессы – кавалерист Фредль и министерский секретарь Густль, с которыми он весьма дружен. Кстати, вы должны знать его и по клубу, где он был зарегистрирован в качестве гостя.

– Мы там не пересекались. Итак, молодой человек действует методично. Он влюблен в баронессу Гретль, и за это его, конечно, можно простить.

– Откуда вы это знаете, Дагоберт?

– Сначала я заметил это по тому... вы только не сердитесь... насколько любезен он был с вами, милостивая государыня.

– Со мной?!

– С вами. Все было рассчитано совершенно правильно. Вы выступали в качестве хозяйки и, добавлю, проявили восхитительную грацию и непревзойденную осмотрительность. Он правильно оценил степень вашего влияния: его шансы оказались бы ничтожны, будь вы настроены против него. Поэтому молодой человек проявил к вам несказанную любезность и, как я с удовольствием заметил, добился некоторого успеха.

– Что вы хотите этим сказать, Дагоберт?

– То, что сказал. Вы выказали ему сердечное радушие.

– Потому что он милейший человек.

– Я тоже так думаю. Нельзя представить ничего более отрадного и приятного, чем то, как вы, милостивая государыня, несмотря на массу забот, умудрялись опекать присутствовавших на вечере молодых людей...

– Разве я сделала что-то не так?

– Конечно, нет. Мне было особенно радостно видеть, как в вас проявилось истинно женское стремление устраивать браки.

– И какое отношение ко всему этому имеют чаевые?

– Они всего лишь навели меня на некоторые размышления. Иначе я бы вряд ли стал задумываться обо всей этой истории. Он действовал методично, как я уже говорил. И завоевал вашу благосклонность. Что далее? Слуги! Но от расположения какого-нибудь грубияна из лакеев для него было бы мало толку, зато горничная при случае может оказаться полезной союзницей.

Вот теперь Виолет почувствовала себя удовлетворенной. Ей понравилось, как Дагоберт интерпретировал все то, что она считала тайным.

Через несколько дней Дагоберт вновь посетил дом Грумбахов. За обедом друзья были втроем, затем они перешли в курительную комнату, где Виолет устроилась на своем любимом месте у камина, а мужчины расположились за курительным столом. Некоторое время все молчали, а затем Дагоберт с невиннейшим видом, словно речь шла о самой обычной вещи, произнес:

– Кстати, дорогой Грумбах, ты знаешь, что в твоём клубе нечестно играют?

– Боже! – вскричал Грумбах и вскочил, словно ужаленный. Он побледнел. – Но это же ужасно! И ты только сейчас мне об этом говоришь?!

– Я и сам узнал об этом только сегодня утром и не хотел портить тебе аппетит перед обедом.

– Мне придется покинуть свой пост!

– То есть ты хочешь самоустраниться. Пусть твой преемник разбирается с этой историей.

– Во всяком случае, я не хочу иметь ничего общего с тем, что произошло.

– Значит, по-твоему, пусть злодеи продолжают обманывать?

– Дагоберт, неужели ты не видишь весь ужас моего положения?!

– Приятным ваше положение не назовешь, господин президент!

– Это же неслыханный скандал!

– Похоже.

– И клуб погибнет! Ничем мы так не гордились, как нашей буржуазной респектабельностью! С каким спокойствием родители – старые члены клуба – приводили к нам своих сыновей... а теперь случилось самое страшное. Я обязан уйти!

– Я думаю, ты как раз должен остаться, чтобы спасти ситуацию.

– Благодарю! Чье имя окажется связано с этой грязной историей? Мое! «Эпоха Грумбаха»! При моем предшественнике такое было невозможно! Спасти клуб? Он, похоже, уже обречен. Стоит только просочиться информации, что произойдет неминуемо, и всякий, кому дорога собственная репутация, дистанцируется от этой истории. И будет прав. Полиция, прокурор, скандал, какого еще не бывало... и посреди всего этого восседаю я в кресле президента!

– Скверная история, Грумбах, но именно поэтому нельзя терять голову.

– Ничего уже не поделаешь, ведь уже случилось то, что случилось. Или ты считаешь, надо замять произошедшее?! Мой долг честно заявить обо всем и тем самым подписать клубу приговор.

– Ну... честно говоря, я и сам не совсем понимаю, как быть.

– Что тебе известно, Дагоберт?

– Пока только то, что в клубе завелся шулер, больше ничего.

– У тебя есть доказательства?

– Они у меня в кармане.

Дагоберт полез в карман сюртука и достал колоду карт, которую передал Грумбаху. Виолет, вся в слезах (она не без оснований полагала, что ее с таким трудом завоеванное положение в обществе серьезно пошатнется, если Грумбах действительно уйдет с поста председателя), присоединилась к мужчинам. Супруги принялись изучать роковую колоду, но не смогли обнаружить ничего подозрительного.

– Профессиональная работа, – признал Дагоберт, – но это простейший вид крапления карт. Есть и более сложные методы. Этот – самый удобный, а для неискушенной публики и его вполне достаточно.

– Так покажите же нам, – настаивала Виолет, – где и как помечены эти карты!

– С удовольствием, милостивая государыня. Но сначала я докажу вам, что они действительно помечены. Будьте любезны, перетасуйте колоду. Еще! Хорошо. Вы хорошо перетасовали?

– Конечно!

– Отлично. Теперь, Грумбах, сними несколько карт. Еще раз. Чтобы уж наверняка. А теперь я раздаю карты. Сколько вам дать, милостивая государыня?

– Скажем, четыре.

– Хорошо, вот вам четыре. Держите их осторожно, чтобы я не мог их видеть. Вот и тебе четыре, Грумбах. Как думаете, мог я увидеть, что именно вам раздал?

– Исключено!

– Разумеется, совершенно исключено. Но у вас, милостивая государыня, дама червей, бубновый король, восьмерка червей и дама пик. А у тебя, Грумбах, пиковый король, валет червей, трефовый туз и бубновый туз. Верно?

– Все так!

– Вы понимаете, – продолжал Дагоберт, – что такое знание дает мне огромное преимущество перед партнерами?

– Еще бы! – воскликнула госпожа Виолет. – Послушайте, Дагоберт, вы меня пугаете. Получается, что вы и сами законченный шулер!

– По крайней мере, я мог бы им быть, милостивая государыня. Все, что для этого нужно, я знаю и умею в совершенстве. Бог мой, этот предмет достаточно изучен. Есть даже соответствующая литература. Очень поучительную книгу о шулерстве выпустил выдающийся французский полицейский господин Кавайе. Занимательна также книга, написанная на эту тему известным prestidigitateur³ Гуденом⁴. Но самое основательное сочинение, конечно, написал немец, скрывавшийся под псевдонимом синьор Домино. Этому изысканному искусству была посвящена даже специальная газета. Она выходила незадолго до Великой французской революции и называлась «Диоген в Париже». Шулерство проникло в более широкие слои и в более высокие сферы общества, чем обычно принято считать. Кардинала Мазарини многие считали шулером. Возможно, это и миф, зато достоверно известно, что в 1885 году граф Калладо, посланник императора Бразилии, был пойман в Риме на том, что играл не совсем честно.

– Послушайте, Дагоберт, вы же тоже все знаете об этих вещах!

– По моему, а возможно, не только по моему убеждению, во мне погиб сыщик. Как жалок я был бы в этой роли, если бы не знал подобных вещей.

– Во всяком случае, я с вами, пожалуй, играть не сяду, – со смехом заявила госпожа Виолет.

– Благодарю за доверие к моим скромным талантам, но я и сам вам не посоветовал бы этого делать. Я сильный игрок и знаю все возможные приемы. Можно сказать, что у меня талант. Я этим не горжусь, но это действительно так. Даже без жульничества я был бы очень опасным противником для любого, не говоря уже о вашей неискушенной особе, милостивая государыня. Но именно поэтому я принципиально не играю. Я лишь пользующийся доверием наблюдатель, который не ведает ошибок и обладает безусловным авторитетом.

Грумбах был слишком взволнован и озабочен, чтобы обращать внимание на болтовню Дагоберта. Он лишь хотел узнать, как тот догадался, что в клубе играют краплеными картами.

– Это выяснилось очень просто, – ответил Дагоберт. – Как член правления, я обязан следить за делами клуба. Что касается кухни и запасов в погребе, то тут все в относительном порядке. Если тебя утешит, замечу, что дефицита ни в чем я не отметил. Затем я решил поинтересоваться всем, что связано с карточной игрой. Думаю, такая въедливость сыщика-любителя тебя не удивит. В отчетности я нарушений не нашел.

– Спасибо за такой энтузиазм! – с горечью воскликнул Грумбах.

– Тут мне пришла в голову мысль, которая никому другому, возможно, и не пришла бы. Я решил проверить игральные карты. Для этого я велел принести в зал правления все колоды, использованные на прошлой неделе, затем запер дверь и начал проверку.

– Сколько же колод вам принесли? – спросила госпожа Виолет.

– Четыреста пятнадцать, милостивая государыня.

– Боже мой, да это же огромная работа!

– Не настолько, как можно было бы подумать. Не считаете же вы, что я рассматривал каждую карту под лупой? Тогда я бы до сих пор сидел там. Я брал из каждой колоды лишь одну карту, обязательно старшую. Ведь если колода крапленая, то в первую очередь должны быть помечены именно те карты, от которых зависит исход игры. Так что я управился часа за три.

– И что же ты обнаружил? – спросил Грумбах.

– Как я уже сказал, что в клубе играют краплеными картами. Я изъясил шесть колод и запер их в ящике стола. Одна из них – вот эта.

– Но вы до сих пор не показали нам, каким образом помечены карты.

– Разве я еще не упоминал? Просто легкие уколы иглой!

---

³ Иллюзионист (*фр.*).

⁴ Жан-Эжен Роббер-Гуден (1805–1871) – французский часовщик и фокусник, превративший магию из развлечения для низших сословий во времяпровождение для богатых горожан, перенеся свои представления с ярмарок в театр, открывшийся в Париже.

– Мы не специалисты, дорогой Дагоберт, – вздохнула Виолет. – Объясните нам.

– Хорошо, слушайте, милостивая государыня. Но вы разочаруетесь, узнав, насколько все это просто. Посмотрите на рубашку этих карт. Крапление всегда выбирается таким, чтобы глаз не замечал ничего необычного. В данном случае оно представляет собой ряд микроскопических точек. Шулер действовал так: он взял тонкую иглу, окунул ее кончик в чистый бесцветный растопленный воск и слегка наколол карты в определенных местах, конечно, не насквозь. Даже при самом легком нажатии игла оставит маленькое углубление, а в нем застынет крошечная частичка воска.

– Но это же невозможно почувствовать кончиками пальцев! – воскликнула госпожа Виолет, тут же ухватив колоду и попробовав карты на ощупь.

– Если бы шулер полагался на осязание, то выбрал бы другой способ. Есть и такие методы крапления карт, но они проще обнаруживаются и потому менее удобны.

– Но и увидеть эти точки тоже нельзя! – продолжала госпожа Виолет, пристально всматриваясь в узор.

– Их прекрасно видно. Попробуйте посмотреть на свет!

– Да, действительно! – радостно воскликнула госпожа Виолет. – Вот здесь совершенно отчетливо видно – матовое пятнышко!

– В этом-то и весь фокус. Бумага у карт глянцевая, и матовая точка легко заметна – но только для знающего человека. Все остальное не вызывает никаких затруднений. Видите, здесь в ряду восемь маленьких точек, а всего таких рядов двенадцать. В игре участвует девяносто шесть карт⁵, и мастер проставил свои метки в соответствии с той системой, которую он выработал. Даже почти не надо напрягать память. Первый ряд – для червей, второй – для бубен и так далее. Начинается все с короля, затем следует дама... Вся эта задумка, при всей своей наглости, почти по-детски наивна.

Грумбаху детали интересовали куда меньше, чем его супругу. Его мучило осознание того отчаянного положения, в котором оказались и он сам, и весь клуб. Его мысли были заняты другим.

– Я безумно счастлив, Дагоберт, – начал он, – что ты сейчас с нами. Ты именно тот человек, который положит конец всему этому мошенничеству.

– Я льщу себя надеждой, что я – нужный человек, оказавшийся в нужное время в нужном месте. Поручусь за то, что спустя несколько дней вам станет известно имя шулера!

– Ты слишком добр, Дагоберт, но я решительно возражаю!

– Так я и думал.

– Если я узнаю его имя, мне придется отдать его в руки правосудия. Придется, иначе нельзя, и тогда нам не избежать публичного скандала со всеми печальными последствиями.

– Согласен. Но что же мне тогда делать?

– Избавь меня от этого негодяя по-тихому. Пусть поищет петлю себе на шею в другом месте. Никто не должен узнать об этой истории, а я со своей стороны никогда больше не желаю о ней ничего слышать.

– Вон!⁶ Будет исполнено.

Четыре дня спустя они снова сидели втроем в доме Грумбаха. За обедом, когда рядом была прислуга, говорили только о пустяках – о вечерах у Айхштедтов, о грядущем дамском вечере в клубе и тому подобном. Но когда все перешли в курительный салон, где их никто не

---

⁵ Скорее всего, речь идет о карточной игре тарок. Элитные клубы Вены, Будапешта, Праги и других крупных городов империи включали ее в список дозволенных игр, призванных развлечь аристократию и буржуазию.

⁶ Хорошо! (*фр.*)

мог потревожить, и Дагоберт начал было с беззаботным видом снова болтать о мелких повседневных делах, Грумбах не выдержал и спросил с плохо скрываемым напряжением:

– Ну, Дагоберт, как там с нашим делом?

– Ты о чем?

– Не прикидывайся, ты же понимаешь!

– Неужели ты про ту самую историю?

– Конечно, про нее! Про что же еще?!

– Ты же просил больше о ней не напоминать?

– Не будь ребенком, Дагоберт, я же должен знать, что происходит!

– Я, разумеется, исполнил твое поручение. Дело улажено. Можешь не тревожиться, all right⁷.

– Слава богу! – воскликнул Грумбах. – Значит, я могу спать спокойно?

– Как сурок. Никто никогда ничего не узнает. Разве только сам господин президент болтается, но я в этом сомневаюсь.

– Расскажите же мне! – потребовала госпожа Виолет.

– Но ваш супруг не позволяет!

– Чушь, Дагоберт, рассказывай!

– Рассказывать-то нечего, по крайней мере ничего драматичного не произошло. Я, собственно, следовал твоим указаниям. Я должен был добиться, чтобы в клубе больше не жульничали. Цель достигнута.

– Мне очень интересно, как вы этого добились, – произнесла Виолет.

– Вообще-то задача изначально была не из трудных, а решилась еще проще, чем я предполагал. Прежде всего, милостивая государыня, я должен был понять, как осуществлялся обман. Карты, конечно, подготавливались заранее, но как они попадали на игровой стол? Проще всего было бы предположить, что один из слуг, имеющих дело с картами, был в сговоре с мошенником. У нас принято ставить на каждый ломберный столик серебряный поднос с тремя колодами. Господа любят после часа игры взять свежую колоду. Слуге достаточно было подать нужные колоды к определенному столу и для определенной компании...

– Какая именно компания играла? – спросил Грумбах.

– Понятия не имею! Среди трех колод достаточно было бы подать одну помеченную. Так ничто не вызвало бы подозрений у игроков.

– Все происходило именно так? – поинтересовалась Виолет.

– Нет, милостивая государыня. Наш мастер работал без помощников. Так надежнее и дешевле. Сообщник – это всегда риск, да и тратиться на него, видно, не хотелось...

– Я вообще не понимаю, – вставил Грумбах, – как кому-то могла прийти в голову подобная идея, ведь я строжайше слежу, чтобы в клубе не играли на деньги. Это абсолютно недопустимо!

– Прекрасное решение, несомненно, и ты, вне сомнения, прав, дорогой Грумбах, но на практике тут есть одна загвоздка. Запрет на азартные игры, безусловно, разумен. Государство тоже за этим следит, хотя его опека нравится не всем. Однако, если несколько бездельников глупы настолько, чтобы поддаться своим желаниям, я не знаю, есть ли у нас право или обязанность останавливать их. Если не дать им желаемого, они наверняка совершат какую-нибудь не меньшую глупость.

– Надо защищать людей от них самих, – заметил господин президент.

– Может быть, следует защищать тех, кто слаб из-за своего финансового положения? Для тех, кто слаб умом и характером, защиты не имеется.

---

⁷ Все в порядке (англ.).

– Только без философии, дорогой Дагоберт! – взмолилась Виолет. – Лучше продолжайте! Я еще никогда не была настолько заинтригована!

– Минуту, милостивая государыня, я позволю себе лишь еще одно замечание. Страсть к азартным играм заложена в человеческой природе, и если ее подавлять, загоняя глубоко в подсознание, то она может оказаться куда более опасной, чем в том случае, когда она находится под общественным контролем. Но это так, к слову. Запрет, конечно, должен сохраняться – из принципа. В нашем случае азартные игры вообще ни при чем. Ведь в клубе играют на фишки. А уж какую цену им назначают сами господа игроки – их личное дело, другим знать об этом необязательно. Наш умелец мог спокойно зарабатывать свои триста-пятьсот гульденов в день даже за самой невинной игрой, причем без лишнего шума. По-моему, это можно считать неплохим доходом.

– Такого человека следовало бы казнить! – мимоходом заметила Виолет.

– Я присмотрелся к тем, кто прислуживает в клубе. Тебе, Грумбах, будет приятно узнать, что они тут совершенно ни при чем. Я незаметно изучил каждого – слуги действительно ничего не подозревают.

– Это и правда радует, – подтвердил Грумбах.

– Тогда я продолжил рассуждать. Я просмотрел все колоды, использованные за неделю игры, и изъял шесть из них – три для тарока и три французские⁸, все они были помечены одинаково. И вот мои выводы: во-первых, шулер всего один. Во-вторых, в день он использовал только одну крапленую колоду. Это объяснимо. Ведь, в-третьих, он должен был сам подменять колоду на столе своей, подготовленной, пряча другую в карман. Задача не из легких, признаю, но вполне решаемая. Молодые люди обычно приходят в клуб во фраках – либо после званого ужина, либо перед светским мероприятием. С помощью, скажем, шелкового платка, незаметно положенного на карточный поднос и так же незаметно убранный, шулер осуществлял подмену колод. За столом на трех игроков у мошенника всегда оставалось два шанса из трех сесть недалеко от подноса. А при должной любезности с его стороны – и все шансы. Места ведь выбираются произвольно, этому не придается значения. Он мог даже уступать партнеру более «удобное» место, а сам сесть там, где ему нужно.

– Ты сразу решил, что это кто-то из молодежи? – спросил Грумбах.

– Да. Наши солидные дельцы на такое не пойдут, слишком рискованно. Это должен быть легкомысленный повеса, какой-нибудь пропащий сынок.

– Дагоберт, ну раскройте же, наконец, тайну! – нетерпеливо потребовала хозяйка дома.

– Сейчас, милостивая государыня, – спокойно ответил Дагоберт, взглянув на часы. – Я намеренно тянул, потому что жду небольшого происшествия. Ровно в семь! Удивительно, если он опоздает, в таком деле небрежность я бы не простил.

– Кого вы ждете? – любопытствовала Виолет.

– Весточку от шулера.

– Надеюсь, вы не ожидаете, что он соблаговолит навестить нас?

– Я этого от него не требовал.

– А что же потребовали?

– Я приказал ему сегодня ровно в семь вечера прислать господину президенту пять тысяч крон в качестве штрафа. Ах, кажется, он достаточно пунктуален. Что там, Петер?

Последние слова относились к вошедшему лакею. Тот доложил, что у дверей ожидает посыльный с письмом для личного вручения господину Грумбаху. Посыльный был впущен в дом. Грумбах вскрыл плотный конверт – внутри лежали пять тысячекронных банкнот без единой строчки пояснений. На конверте не было даже адреса.

---

⁸ В отличие от колод по тридцать две карты, которыми играли в тарок, существовал целый ряд игр типа покера и бриджа, подразумевавших использование классических французских колод, состоявших из пятидесяти четырех карт.

– Кто вас послал? – спросил Грумбах.

– Прости, дружище, не надо вопросов, – вмешался Дагоберт и обратился к посыльному: – Тебе заплатили?

– Так точно, ваша милость.

– Тогда ступай. Передай: «Принято». Больше ничего. Adieu!⁹

Когда посыльный удалился, Дагоберт продолжил:

– Извини, Грумбах, что перебил, но иначе нельзя. Я ведь тоже участник этой сделки, а значит, обязан соблюдать правила честной игры. Я наложил на того человека обязательства. Часть он выполнил, часть еще должен выполнить. А я, в свою очередь, обязался не выдавать его.

– С жуликами не следует договариваться!

– Верно. Но если бы я с ним не договорился, мне пришлось бы сдать его полиции. Ты этого не хотел. Пришлось искать выход. В конце концов, нельзя же наказывать человека дважды: сначала частным порядком лишить его денег, а потом еще и под суд отдать. Это нечестно.

– Так кто же этот несчастный? – взволнованно спросил Грумбах.

– Да откуда мне знать? – с невинным видом ответил Дагоберт.

– Да брось! Кто, как не ты, должен это знать?!

– Даю слово чести, Грумбах, я не знаю.

Госпожа Виолет смотрела на Дагоберта, открыв рот.

– Вы не знаете, да еще и клянетесь – да кто же этому поверит?! Вот же пять тысяч крон, которые вы от него получили! Дагоберт Тростлер, вы в своем уме?

– Ах, эти пять тысяч – просто милый сюрприз для вас, милостивая государыня. Видите, я всегда о вас думаю. Что касается остального, то я вовсе не волшебник. Все объясняется достаточно просто. Грумбах не желал знать имя преступника. Мне тоже было удобнее не знакомиться с ним лично: пришлось бы ударить его по лицу, это уж как минимум. А мне, сами понимаете, без нужды суетиться не хочется. Поэтому я предпочел придерживаться нашего плана: не разоблачать его публично, избежать скандала и просто пресечь дальнейшие махинации.

– И как вы это устроили?

– Ничего хитрого. Я знал, что мошенник должен приносить помеченные колоды сам. Двух видов, ведь нужны и французская колода, и колода для тарока. Использовать он мог только одну, но заранее не знал, какую именно. Вряд ли он носил обе колоды при себе, в обтягивающем фраке это было бы проблематично. Я отправился в гардеробную, когда все уже играли, и, делая вид, что ищу свое пальто, провел рукой по всем висящим там вещам. Лакея, который услужливо поинтересовался, не помочь ли, я так грубо оборвал, что он тут же ретировался. И вот я нашел то, что искал.

– Колоду карт?

– Я нащупал ее снаружи. Полез в карман – карты для маскировки были завернуты в шелковый платок. Я забрал их. Беглый осмотр моей добычи, совершенный в кабинете правления, подтвердил: я нашел нужного человека, а вернее, нужное пальто. Теперь возникал вопрос: что делать? Учитывая обстоятельства, я решил так: наскоро написал записку и сунул ее в карман вместо карт.

– Что вы написали, Дагоберт? – с интересом спросила Виолет.

– Цитирую дословно: «У меня в руках имеются доказательства вашей нечестности. Два условия. Во-первых, вы больше никогда не появитесь в клубе. Во-вторых, в следующий вторник ровно в семь вечера господин президент получит от вас пять тысяч крон в качестве пожертвования Обществу помощи освободившимся заключенным».

– Обществу помощи освободившимся заключенным! – радостно воскликнула Виолет.

---

⁹ Прощай! (фр.)

– Штраф был необходим, и я наугад назвал эту сумму, хотя, конечно, не знаю, насколько он успел нажать на своих жертвах. Я дал ему три дня: игроки не всегда при деньгах, но, если очень надо, за это время можно раздобыть нужную сумму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.